0282

Abeig7

ОШИБКА

НАПОЛЕОНА

или

ОТВѢТЪ

НА СТАТЬЮ

ПОМѢЩЕННУЮ ВЪ МОНИТЕРѢ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

Въ типографіи Департамента Внѣшней торговли, 1813 года.

ел. экз.

Печатать позволяется.

Санктпетербургъ 20 Февраля 1813 года.

Цензоръ Статскій Совѣтникъ
и Кавалеръ *Ив. Тимковской.*

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Нечаянный случай доставилъ въ руки издателя небольшое сочиненїе, подъ заглавїемъ: Отвѣтъ на статью изъ Константинополя, помѣщенную въ листкахъ Монитера подъ No 317^mh. *Хотя сочиненїе сїе за нѣсколько уже лѣтъ предъ симъ въ свѣтъ явилось, и неоднократно напечатано было; однако же событїе послѣдствїй, въ немъ изображенныхъ, и непосредственное соотношенїе, какое находится съ теперешними произшествїями, показались достойными того желанїя, что бы болѣе обратить вниманїе читателей. Безъименной сочинитель отвѣчая на статью помянутаго Французскаго*

журнала, предположилъ себѣ цѣлію обнаружить нѣкоторыя политическія ошибки, въ оной журналъ вкравшіяся, и назначить истинную точку зрѣнія, съ которой могущество Россійской Имперіи и поступки Августѣйшаго Монарха, ею правящаго, должны быть разсматриваемы. Не можно было ему предвидѣть, что бы Россія послѣ шестилѣтняго союза, со всею точностію соблюденнаго ею во всѣхъ статьяхъ, но безсовѣстно нарушеннаго во всѣхъ условіяхъ оныя другою, съ нею договорившеюся стороною, увидѣла себя вовлеченною въ войну страшную, которой послѣдствія увѣнчавшія ее вѣчною славою, доказываютъ,

что сочинитель очень хорошо судилъ о многочисленныхъ ея способіяхъ и о вѣроятномъ послѣдствіи борьбы противу соединенныхъ силъ Франціи и всѣхъ ея союзниковъ. Читатель, пробѣгая сіе сочиненіе, можетъ-быть помыслитъ, что оно гораздо новѣе, нежели какъ о немъ сказываютъ, и что даже начертано позднѣе и гораздо послѣ тѣхъ произшествій, коимъ Европа лишь только была свидѣтелемъ, или что сочинитель имѣлъ нѣкоторымъ образомъ духъ пророчества. На число самой статьи, послужившей поводомъ къ сему отвѣту, не можетъ нималѣйшему подлежать сомнѣнію въ разсужденіи сего дѣла; и какъ сей отвѣтъ

показался весьма согласнымъ съ теперешними обстоятельствами, то и рѣшился издатель вновь его напечатать, отъ слова до слова, по экземпляру перваго изданія.

ВЫПИСКА
изъ
ЖУРНАЛА ПРѢНІЙ.

Вторникъ 6 Августа 1804.

Константинополь 29 Іюня.

Въ теченїи сего года, четыре Россїйскихъ морскихъ экспедицїи прошли Дарданеллы, и прибыли въ Корфу: первая прошедшая въ Февралѣ мѣсяцѣ, состояла изъ двухъ фрегатовъ, трехъ бриковъ и одной корветы, на коихъ посажено было шесть сотъ человѣкъ войска; вторая, состоявшая изъ корабля о пятидесяти пушкахъ и корветы, вступила за два мѣсяца предъ симъ въ Средиземное море, и везла семь сотъ человѣкъ высаднаго войска; третїя, стоявшая здѣсь на якорѣ послѣдняго 7 Прерїала (26 Маїя), имѣла два корабля о семидесяти-четырехъ

пушкахъ на подобїе флютъ съ тремя транспортными судами, въ коихъ находилось 1200 человѣкъ; третьяго дня, 8 Мессидора (26 Іюня) оказалась и четвертая экспедиція, состоявшая изъ двухъ кораблей, на которыхъ была тысяча человѣкъ. Такимъ образомъ до сіе время пришло изъ Чернаго моря отъ 3 до 4000 человѣкъ, кои вмѣстѣ съ 1800 человѣкъ гарнизона составляютъ отъ 5 до 6000 человѣкъ, почти корпусъ войскъ, какой Россія имѣетъ въ Республикѣ Семи-Острововъ.

Оттоманская Порта сильно тѣмъ встревожена, однако старается скрывать свое безпокойство.

Сіи Экспедиціи доставляютъ обильную матерію къ догадкамъ праздныхъ политиковъ Перы. Они спрашиваютъ другъ у друга: какая есть цѣль соединенія сихъ

войскъ? Одни говорятъ, что соединеніе сіе сдѣлано противу Австріи; но опять потчасъ усматриваютъ, что Россія и Австрія, имѣющія въ Германіи общія границы, не станутъ искать другъ друга въ Италіи и могутъ встрѣтишиться въ Польшѣ, естьли вздумаютъ другъ съ другомъ сразиться.

Иные напрягаютъ всѣ силы своего разума, чтобы отгадать: нѣтъ ли какого отношенія между симъ приращеніемъ Россійской воинской силы въ Корфу и тою выгодою, какую можетъ имѣть Англія, перенесши войну на твердую землю Европы. Но, говорятъ они, Россія весьма могущественна, и въ состояніи выставить большія арміи; она не ограничится воинскими приготовленіями на Югѣ, и конечно сдѣлаетъ таковыя противъ Ганновера. Однако же Россія устроила бы и соединила

свои оружія прежде въ Польшѣ, нежели подвергла бы войска свои опасностямъ въ такой землѣ, которая, такъ сказать, есть другой свѣтъ для нее. Сверхъ того извѣстно, что никакой важной войны не можно предпринимать на твердой землѣ безъ того, что бы Пруссія или Австрія въ оной не участвовали; и державы сіи вѣдаютъ, что хотя и начинаютъ войну вмѣстѣ съ союзниками, но оканчиваетъ ее часто одна только какая изъ нихъ; что получаемыя денежныя вспоможенія отъ Англіи едва замѣняютъ четвертую долю издержекъ; что между сосѣдними державами, другъ друга злобящими, война влечетъ за собою ужасныя послѣдствія, которымъ ни та ни другая сторона не отважи-вается себя подвергать безъ причинъ основательныхъ, важныхъ и необходимыхъ.

Но Россія сама пребываетъ въ миръ съ Франціею, и побудительныхъ причинъ къ началію войны не болѣе имѣетъ какъ и выгодъ, отъ нее ожидаемыхъ. Правда, М. Р. К. В. и единомышленники его успѣли въ томъ, что въ Ретенсбургѣ подана была со стороны Россіи Министеріальная записка, совсѣмъ неудобная для Германскаго сословія сеймоваго: они, посредствомъ разныхъ увертокъ, мѣлочныхъ претензій и помѣшательствъ всякаго рода, произвели нѣкоторую остуду между обѣими державами, коихъ доброе согласіе, сколько для одной столько и для другой выгодное, доставило Россіи способъ играть ролю блистательную и для нее повую.

Росія ничего не можетъ предпринять противу Франціи; но вмѣстѣ съ нею можетъ дѣлать все, что справедливо и величественно.

Пошлетъ ли она въ другой разъ двадцать тысячь человѣкъ войска, чтобы съ Герцогомъ Іорскимъ сдѣлать новую высадку въ Голландїи? Высадитъ ли она шестьдесять тысячь человѣкъ на Везеръ, дабы учинить нападенїе на Французскую армїю въ Гановерѣ? Послѣдствїемъ для нее будетъ немаловажная потеря многихъ войскъ и неизбѣжное обезсиленїе. Единственно будетъ выгодно для смежныхъ съ Россїею державъ видѣть ее, безъ всякаго для нихъ опасенїя, противоборствующую Франціи, потребляющую свои арміи, и, въ очередь свою, подвергающуюся всѣмъ неудобствамъ, всѣмъ непріятностямъ, какія Австрія одна весьма долгое время извѣдывала.

Пошлетъ ли она тридцать или сорокъ тысячь человѣкъ въ Ирландію, для защиты сей земли

отъ нападенія Французовъ? Но что выиграетъ она отъ того, когда такимъ образомъ покажетъ себя всему свѣту державою помогающею, слѣдовательно подчиненною? Какую впрочемъ имѣетъ она выгоду, увеличивая могущество Великобританіи? Не уже-ли думаютъ, что Россія не вѣдаетъ о томъ, что моря окружаютъ всѣ страны, и что Англія господствующая надъ морями, можетъ также появиться и предъ Кронштатомъ, для предписанія законовъ? Напротивъ того Россіи нечего опасаться Франціи: Природа сама назначила объ сіи державы быть искренними союзницами; и сколь бы ни было худое направленіе, какое по пристрастію дано быть можетъ ихъ арміямъ, однакожъ ни та, ни другая, никогда не почерпнутъ большихъ выгодъ отъ своихъ предпріятій.

Люди малоопытные могутъ обманываться и не повѣрятъ симъ неопровергаемымъ истинамъ; но Министры, въ дѣлахъ посѣдѣвшіе, каковыхъ много есть въ Россіи, но Государь, руководимый великодушіемъ, обдуманною любовію къ своимъ подданнымъ, ощущеніемъ истиннаго своего величія, не будутъ долго въ томъ ошибаться. Пристрастіе и недоразумѣнія, хитрымъ образомъ поддерживаемыя ревнивыми людьми, могутъ побудить къ принятію мѣръ, съ той и другой стороны опважныхъ и несообразныхъ взаимнымъ ихъ выгодамъ, могутъ подвигнуть ихъ къ пресѣченію сообщеній, и даже къ началію войны; но разрывъ сей не можетъ быть слишкомъ грознымъ и продолжительнымъ между народами, кои по необходимости опять сближатся ощущеніемъ обоюдныхъ сихъ своихъ и взаимной и

совершенной ихъ независимости, и возчувствуютъ наклонность къ умѣренности, публичному благоприличію и миру.

Когда держава, коея столица находится въ отдаленномъ сѣверѣ, и которой армии, расположенныя на границахъ Персіи и Тартаріи, сражаются съ Персіянами и Тартарами, захочетъ на свой собственной щетъ и на свой страхъ вмѣшаться въ дѣла Южной Европы; тогда она выйдетъ изъ натуральнаго своего положенія. Сколько бы ни могущественны была Монархи, сколь бы ни храбры были воины, но они суть люди, и не могутъ ничего сдѣлать свыше предѣловъ, назначенныхъ природою вещей человѣческихъ. Ежели Россія, приемля участіе въ дѣлахъ Южной Европы, подкрѣпляетъ мѣры одной какой изъ трехъ великихъ державъ, — Австріи, Фран-

ціи или Пруссіи; тогда она поступаетъ согласно съ ея положеніемъ, и сіе, по истинѣ дѣлаетъ ее достойною почитанія; напротивъ того, ежели она сама собою вмѣшается въ дѣла Южной Европы, тогда нужна ей подпора или Австріи или Франціи, тогда выходитъ она изъ своего положенія, не уважая собственаго своего величія; она въ то время не походитъ уже болѣе на себя саму; — ей надобно знать, что для возвышенія могущества ея превыше могущества всѣхъ Государствъ, потребны ей не области, но люди. Одинъ годъ войны испребляетъ ихъ болѣе, нежели многіе мирные годы могутъ ихъ на свѣтъ произвести.

И такъ миръ, и при томъ миръ продолжительный служитъ для Россіи самымъ надежнымъ средствомъ къ удовлетворенію ея че-

столюбія, и умноженіе рода человѣческаго есть для нее самая нужнѣйшая обходимая потребность.

Слѣдовательно никакъ не можно повѣрить, что бы Россіяне сдѣлали высадку войскъ въ Италію, тѣмъ еще менѣе повѣрить можно, чтобы они высадили тамъ поль шести до десяти тысячь человѣкъ. А хотя бы они туда высадили и десять разъ 10,000; только всѣ сіи войска будутъ тамъ потеряны.

Праздные политики, сооружая и разрушая такимъ образомъ всѣ свои догадки, доходятъ до умствованій, кои не налучшемъ утверждены основаніи, хотя оныя и имѣютъ нѣкоторый видъ правдоподобія. По мнѣнію ихъ, цѣль сея экспедиціи стремится къ уменьшенію Турціи. Шесть тысячь человѣкъ войска въ Корфу, которые, какъ сказываютъ, послѣдними высадками умножены до девятнадцати

сячь, принуждаютъ Порту Оттоманскую содержать силы свои въ Средиземномъ морѣ, и препятствуютъ ей соединить вмѣстѣ всѣ свои воинскія силы, для утушенія всѣхъ мятежей въ Ромеліи. По симъ самымъ причинамъ не можетъ она принудить Грековъ, чщо бы они мореходствовали подъ флагомъ Оттоманскимъ, которой они за нѣсколько лѣтъ оставили, и приняли флагъ Россійской. Но хотя праздноlюбцы Константинопольскаго предмѣстія Перы оканчиваютъ всѣ таковыя умствованія рукоплесканіемъ и превознесеніемъ своея прозорливости; но люди, больше ихъ просвѣщенные, думаютъ, чщо истинной причины умноженію Россійскихъ войскъ въ Корфу, не должно такъ далеко доискиваться.

Поелику управленіе г. М. Ч. Н. Г. содѣлалось намъ весьма ненавистнымъ, и острова довольно

отдалены одни отъ другихъ; то и почла Россія за нужное усилить и умножить тамошніе гарнизоны, и войсками поддержать учрежденіе г-на М . . . . . и новое его законодательство.

Однако тѣ же самыя особы присовокупляютъ, что въ семъ случаѣ Россія также выходитъ изъ своего положенія; что Республика Семи-Острововъ должна быть независима подъ покровительствомъ державъ; но что, ежели ей не возможно собою управлять и существовать особенно, природа назначила ее для Австріи или даже для Порты Оттоманской, — развѣ проектъ ЕКАТЕРИНЫ II, который по причинѣ Французской революціи былъ оставленъ, опять изъ пепла возстанетъ, и Туркамъ уже предопредѣлено судьбою перейти обратно въ Азію.

(выписано изъ Монитера).

ОТВѢТЪ

НА СТАТЬЮ ИЗЪ КОНСТАНТИНОПОЛЯ,

ПОМѢЩЕННУЮ

ВЪ МОНИТЕРѢ

подъ No 317.

Родившись въ Перѣ, не могу видѣть равнодушно, что политики моей отчизны, обольщая самихъ себя ложными умствованіями, вовлекаютъ въ заблужденіе большую часть Европы, при теперешнемъ политическомъ переломѣ. Въ самомъ возрастѣ пылкихъ страстей, былъ я исторгнутъ изъ моей родины и удаленъ отъ всего, что для меня было драгоцѣнно. Потомъ, бывъ игралищемъ приключеній и щастія, странствовалъ изъ города въ городъ, изъ одной страны въ другую. Руководимый чувствіемъ истиннаго человѣколюбія, взиралъ я на свѣтъ

безпристрастнымъ окомъ не почитая людей, люблю ихъ еще; и мнѣ больно видѣть грубыя ихъ заблужденія. Надѣяться совсѣмъ истребить сіи заблужденія, великая была бы глупость; но не покуситься сколько нибудь умепьшить ихъ, былъ бы немаловажный грѣхъ.

Безумно подумать, чтобы экспедиція опъ пяти до шести тысячь Россіянъ, прибывшихъ въ Республику Семи-Острововъ, могла служить дѣльнымъ поводомъ къ какимъ либо политическимъ догадкамъ. Это безъ сомнѣнія не иное что, какъ единая изъ малѣйшихъ частицъ общей системы, которой Россія въ сіе время за нужное почитаетъ слѣдовать. И такъ не на экспедицію шести тысячь человѣкъ должна Политика обращать вниманіе, но ей надлежало бы обьять взоромъ всю систему вмѣстѣ.

Почти уже тому годъ миновалъ, какъ АЛЕКСАНДРЪ I повелѣлъ въ Имперіи Своей набрать 111,000 человѣкъ, кои теперь всѣ уже содѣлались солдатами и служатъ въ полкахъ. Сей наборъ умножилъ военныя силы Россійскія до 400,000 воиновъ и 60,000 матросовъ: прибавь къ тому 50,000 человѣкъ нерегулярныхъ войскъ давно уже набранныхъ, и сто тысячь другихъ, кои въ коротkое время собрать можно, а именно состоящихъ изъ Калмыковъ, Башкирцовъ и Татаръ разныхъ ордъ, почитающихъ себя щастливыми быть на войнѣ, естьли позволено имъ пользоваться законною добычею. — Послѣ сего, вопрошаю: имѣетъ ли Россія право требовать той роли, какую она играетъ въ такомъ вѣкѣ, когда одно токмо право сильнаго уважаемо?

Признаюсь, что, судя по на-

ружности, Россія обязана Франціи за роль блистательную какую она играетъ, и даже скажу, за роль первую Но Россія наипаче съ того времени, какъ Французское правительство начало слѣдовать системѣ деспотисма и неправосудія, какъ стало опустошать все, отнимать все, истреблять все, что токмо истребить можетъ, и какъ властолюбивые взоры свои устремило на то, дабы учредить для себя одного всеобщую неограниченную монархію въ Европѣ, съ того-то наипаче времени Россія играетъ роль блистательную, сію роль первую; ибо она есть защитница слабаго и угнѣтеннаго, и АЛЕКСАНДРЪ I на престолѣ Своемъ сталъ Покровителемъ и Судіею Имперій. — Но зависитъ ли отъ Франціи перемѣнить сію роль? Пусть себя тѣмъ не льстятъ и не обманываютъ! — Россія не

есть актриса, облаченная въ порфиру для представленія мнимой какой Царицы, — ниже какая либо дщерь слѣпаго щастія, возведшаго ее внезапно на высокую степень, и которая кажется тѣмъ, чѣмъ не есть въ самомъ дѣлѣ: ей прилично положеніе величественной львицы; поелику она имѣетъ для сего положенія силу и достоинство: это колосъ великій, коему погрѣшности другихъ открыли очи; это колосъ страшный, который кажется тѣмъ, чѣмъ есть въ самомъ дѣлѣ.

Пусть Россія привлечетъ на свою сторону Пруссію или Австрію, пусть соединится съ Англіею, или останется одна; только Россія всегда будетъ первою и досточтимою, пока токмо слѣдовать станетъ системѣ безкорыстія и справедливости, и пока гордясь своими силами, явно

противоборствовать будетъ всеобщему Франціи деспотизму, и не престанетъ предъ очами всего свѣта открывать нарушенія правъ самихъ свящѣйшихъ, — нарушенія беззаконнаго, которое весьма хорошо объяснено въ истинной, но притомъ и умѣренной Министерской запискѣ, въ Регенсбургѣ сейму представленной.

Россія безъ сомнѣнія, никогда не выиграетъ, руководясь духомъ завоеванія: она велика, и границы ея хороши; ей нѣтъ нужды перемѣнять ихъ; но она можетъ выиграть и доставить пользу Европѣ послѣдствіями войны, объявленной по наклонности къ правосудію Монарха ея и согласно съ Его прозорливостію.

АЛЕКСАНДРЪ I опытъ природы кротокъ и милосердъ, но вовсемъ помнитъ, что справедливо, Онъ

пвердъ и непоколебимъ до чрезвычайности; и очень мало знаютъ въ Европѣ, кои думаютъ, будто бы поданная въ Регенсбургѣ сейму Министерская записка внушена была М. Р. К. В. М. и единомышленниками его, каковы бы они впрочемъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ ненавистны ни были.

Ничего не сказано, что потеря лавры Россія и какой бы подвергла себя опасности, объявивъ войну Франціи, ибо ничего и о томъ не упомянуто, чтобы Россіяне пошли въ Парижъ, да также нечего опасаться, чтобы и Французы дошли до Москвы (*), до Петербурга,

(*) Предвидѣніе и прозорливость автора въ семъ случаѣ ошиблась; но по справедливости должно здѣсь замѣтить, что во время, когда онъ писалъ (1804) трудно было отгадать, что бы вся Европа, исключая одну Россію, находилась подъ игомъ Франціи; чтобы Австрія

или впоргнулись въ Крымъ, куда они ни одного корабля отправить не могутъ, поелику всѣ порты ихъ блокированы и все въ оныхъ окружено и задержано. А что касается до походовъ и сраженій, то сколько бы французскіе солдаты ни были храбры; однакожъ и они токмо люди, какъ говорятъ политики предмѣстія Перы: они ничего не возмогутъ сверхъ предѣловъ, назначенныхъ природою вещей человѣческихъ.

Не уже ли скажутъ еще, что Россія, разрывомъ съ Франціею,

была союзницею и выступила въ поле подъ знаменами той державы, которая отняла у нее часть ея областей? что бы Пруссія хищническимъ образомъ разорена была, и что бы Наполеонъ, бичь Европы, покусился на предумышленное имъ завоеваніе Россіи, выславъ противъ нее передними войсками нов народы твердой земли Европы.

понесетъ большія убытки въ своей торговлѣ? — Но что Россія отпускаетъ во Францію? прямо ничего. — Что она получаетъ изъ Франціи? вещи къ роскоши относящіяся и товары заповѣдные. Правда, Россія получаетъ изъ Франціи вино; но погреба въ Россіи запасены, и сверхъ того весьма легко обошлись безъ него во время послѣдняго разрыва съ Франціею.

Скажутъ ли еще, что Франція можетъ причинить несказанное зло Россіи возмущеніями, какія лазутчики ея могутъ возбудить внутри Государства? Изъ всѣхъ ошибокъ расчета политическаго, эта была бы самая грубая. Россійской простой народъ есть единственный, наиболѣе къ простой природѣ приближающійся: онъ, правда, не умѣетъ ни читать ни писать, однако не должно по-

читать его дикимъ или варварскимъ, какъ по Французы думаютъ. У него есть Религія, Богослуженіе и правила нравственныя. Онъ только знаетъ свое правленіе, котораго боится, но которое почитаетъ и любитъ. Монарху своему даетъ названіе Бога земнаго. Нѣтъ у него просвѣщенія другаго, кромѣ практическаго и на самомъ дѣлѣ, какое Государи его почли за нужное и полезное ввести. Каменьщиковъ, столяровъ, плотниковъ, слѣсарей, оружейныхъ мастеровъ и всякаго рода художниковъ преизбыточно находится въ Россіи, и всѣ очень хороши, хотя и не умѣютъ ни читать ни писать. Иностранцовъ, въ Россіи проживающихъ, считаетъ простой народъ за пявицъ, высасывающихъ у него богатство: по сему судя, пусть Французскіе лазутчики возмутя

тели осмѣлятся произвести замѣшательства, и тогда Россійское Правительство единымъ дуновеніемъ истребитъ ихъ вмѣстѣ съ самымъ корнемъ.

Правда, Россія не слишкомъ населена, въ сравненіи съ ея пространствомъ; однакожъ сіе требуетъ объясненія. Во первыхъ: народонаселеніе не по всюду равно въ Россійской Имперіи; во вторыхъ: есть въ Россіи мѣста, кои совсѣмъ не обитаемы, и кои такими почитать должно. Сверхъ того, къ чему нужно умножать народочисліе въ государствѣ? Дѣлать щастливыми жителей, есть долгъ властителей; однако не доказано что бы и умножать число народа, былъ также ихъ долгъ. Въ нравственномъ мірѣ, война, безъ всякаго прекословія, есть зло; но въ политическомъ мірѣ зло сіе, бываетъ иногда необходимо, и добро

часто происходитъ отъ войны, предпринятой къ спасенiи.

Число войскъ въ Россiи, получающихъ жалованье, провiантъ и прочее, и въ сiе время подъ ружьемъ состоящихъ, болѣе нежели достаточно къ объявленiю войны. Политики Перы мечтаютъ, что военныя Россiйскiя силы расположены на границахъ Персiи и Татарiи; но это совсѣмъ ложно. По всей линiи между моремъ Охотскимъ и моремъ Каспiйскимъ, нѣтъ болѣе отъ семи до восьми тысячъ человѣкъ, смотря по мѣстному положенiю земли, по множеству лѣсовъ, пространнымъ степямъ и качеству сосѣдей. Между моремъ Каспiйскимъ и моремъ Чернымъ отъ 12 до 13,000 человѣкъ отрядъ въ мирное время; но теперь считаютъ ихъ отъ 20 до 25,000, по причинѣ нѣкотораго раздѣленiя, тамъ происходящей. Прибавимъ

еще къ тому отъ 25 до 30,000 человѣкъ на границахъ Шведскихъ, и тогда увидимъ, что изъ нихъ остается еще болѣе 300,000 человѣкъ, размѣщенныхъ между моремъ Чернымъ и моремъ Балтійскимъ. Не смотря на то, что о семъ говорятъ политики Неры, Россійскія войски сіи страшны, къ воинскимъ подвигамъ приучены, и коихъ десять разъ 10,000 высаженыхъ въ Италію, не столь легко истребить, какъ то стараются увѣрить другихъ. Пусть вспомнятъ о подвигахъ горсти Россіянъ, кои въ послѣднюю войну съ Франціею очистили Италію и Ломбардію въ одну кампанію, и увидятъ, что самые опытные Генералы Французскіе были поражаемы одинъ за другимъ, и что даже въ Цюрихѣ, должны были Россіянамъ удивляться, не смотря на ошибки ихъ начальниковъ и медленность ихъ союзниковъ.

Все сїе доказываетъ что объ-
явленїе войны со стороны Россіи
противу Франціи было бы довольно страшно, чтобы соединить вмѣсто Имперію Германскую, покоренную Франціею, чтобы сдѣлать помѣшательство въ войскахъ сей послѣдней державы, и тѣмъ самымъ доставить способъ Италіи, Швейцаріи, Испаніи, Португаліи, Голландіи и Гановеру свергнуть съ себя иго Франціи.

Что касается до проекта вторженія Французскихъ войскъ въ Англію; то это одна покмо мечта; одни воздушные замки, пустые вымыслы, кои никогда не могутъ имѣть удачи, и, въ случаѣ успѣха, будутъ вредны для всѣхъ народовъ. Англія находится теперь на высочайшемъ степени благоденствія и славы; а дабы съ онаго не упасть, она ни о чемъ другомъ не можетъ помышлять,

какъ токмо о поддержанїи себя, ибо она не можетъ уже болѣе возвыситься. И такъ, возможно ли Англїи, существующей единственно промышленностїю и торговлею, поддержать себя въ теперешнемъ ея состоянїи, ежели она сама не станетъ поддерживать равновѣсїя въ Европѣ и прочихъ частяхъ свѣта? Слѣдовательно, естественная польза Россїи пребуетъ вспомоществовать Англїи, которая по системѣ должна быть всѣмъ пріятельницею, и укротить Францїю, которая по системѣ эгоизма правительства ея содѣлалась врагомъ Европы и тираномъ всѣхъ слабыхъ.

2283